

Сергей Абашин

Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных дискуссиях

Население Средней Азии в том его составе, который зафиксировали различные источники во второй половине XIX в., сложилось в XVIII — начале XIX в. в результате интенсивной миграции, смешения населения, процессов языковой и культурной ассимиляции. В обществе отсутствовали границы, которыми можно было бы очертить группы, прилепив к ним ярлык «этнические». С приходом России в Средней Азии появляются более или менее устойчивые идентичности, на поддержание которых направлялись огромные ресурсы. При этом население приучалось не только к категориям (именам), но и к их этнической интерпретации, которая подразумевала однородность и неменяемость.

Стремление научно разложить все «по полочкам», разработать стройную классификацию народов сталкивалось на практике с массой трудностей. Наибольшие проблемы возникли с «сартами» [Абашин 2007: 95–176]. Данные, которые появились в результате более близкого знакомства с регио-

Сергей Николаевич Абашин

Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва
s-abashin@mail.ru

ном в середине XIX в., заставили исследователей задуматься, какие из признаков являются основными в формировании сартов и к какому народу их соответственно можно отнести. Если это образ жизни, обычаи, психология и внешний облик, то сартов нужно отнести к иранским народностям. Если язык — то их нужно включить в число тюркских племен. В этих двух случаях можно либо вовсе обойтись без термина «сарт», либо заменить имя «таджики» или имя «узбеки» на «сарты». Если же все признаки считать равноценными, то сартов можно назвать отдельным народом со своей оригинальной, пусть и смешанной по происхождению культурой. Именно так начиная с середины XIX в. выглядела «проблема сартов», и именно в этих концептуальных рамках данная тема дискутировалась.

Выбор определенного признака и соответственно модели описания «сартов» (или ответа на вопрос — кто они такие) диктовался массой всевозможных факторов. Это были, конечно, научные предпочтения того или иного конкретного ученого или деятеля, характер его научной подготовки, уровень знаний, но также это могли быть и идеологические и политические воззрения. Группа политических факторов, влиявших на рассмотрение «проблемы сартов», тоже не была однородной и окончательно заданной. В Российской империи шли сложные политические процессы, существовало множество политических проектов, которые по-своему описывали настоящее и будущее страны и ее населения. «Сарты» в этих проектах могли занимать ключевое место, а могли, напротив, казаться лишним и сомнительным элементом.

Революция 1917 г. в одночасье разрушила всю прежнюю структуру государства. Пространство теперь уже бывшей Российской империи превратилось в поле борьбы самых разнообразных социальных и политических групп. Началась жесточайшая битва за символические ресурсы, за привилегию говорить от имени классов и наций, за новые смыслы разного рода классификаций и названий. Все авторитеты и лидеры поменялись местами: недавние идейные монополисты утратили право решающего голоса, прежние аутсайдеры оказались вдруг востребованы со своими, как казалось еще вчера, совершенно маргинальными идеологиями. Изменившаяся ситуация требовала от новой власти вступить в диалог с местной мусульманской элитой. Две стороны должны были найти формулу соглашения, в котором были бы признаны и единство прежней страны, и некая субъектность бывших «инородцев» в ее будущем политическом устройстве. Одним из пунктов переговоров по поводу такого неформального соглашения, видимо, было решение

отказаться от термина «сарт», который, как многие считали, символизировал великодержавный характер имперского правления времен «царизма». Результат этих своеобразных переговоров был официально зафиксирован в середине 1920-х гг. — в момент национально-государственного размежевания 1924–1925 гг. и всесоюзной переписи 1926 г., когда название «сарты» окончательно исчезло с этнографической карты Средней Азии.

Изменение политической ситуации в Средней Азии в 1991 г. вновь повысило интерес к уже подзабытой «проблеме сартов». Сегодня мы видим столкновение двух разных стремлений — «забыть» и «вспомнить» сартов. «Забыть», потому что эта тема нарушает утвержденную и зафиксированную государственными границами классификацию народов Средней Азии, принятую, что важно, самими людьми, которые представляют эти народы. Тема сартов вольно или невольно возвращает всех к периоду опытов и экспериментов, сомнений и неопределенности, т.е. к эпохе, которая закончилась, ушла и к которой никто не хочет возвращаться. «Вспомнить», потому что «проблема сартов» — очень удобный, лежащий на поверхности повод, чтобы уколоть оппонента, поставить под сомнение его взгляды и убеждения, чтобы переписать историю и попытаться предъявить политические или моральные претензии.

Все это говорит о том, что никакая этнографическая карта или этнографическая классификация, какую бы силу реальности она ни приобретала в головах людей и в социальных институтах, не является раз и навсегда утвердившейся, безусловной и окончательной. Любая этнографическая категория (и соответствующая ей идентичность) продолжает существовать, будучи предметом дискуссий, нового подтверждения своего статуса и содержания, новых сомнений и оспаривания.

Национализирующиеся государства

Распад СССР поставил перед бывшими союзными республиками задачу — найти формулу легитимации вновь образованных государств. Поиск был недолгим. Во-первых, отделившиеся от СССР республики на протяжении последних семидесяти лет идентифицировались как «национальные». Во-вторых, на протяжении XX в. в международном праве и общественном мнении любые изменения в государственном устройстве, связанные с распадом империй и больших государств, интерпретировались как действия обладающих некой изначальной легитимностью наций («право наций на самоопределение», «национально-освободительная борьба» и т.д.).

Я лишь зафиксирую сам факт: бывшие среднеазиатские республики пытаются строить «национальные» государства и апеллируют к концепции «нации» для обоснования сделанного выбора. При этом используются одни и те же дискурсивные объяснительные модели. Эти модели, как их описывает, например, британский политолог Г. Смит, имеют следующие особенности: 1) они «эссенциализируют» и «примордиализируют» нацию, т.е. описывают этнические идентичности как линейные, постоянные и однообразные; 2) они «историзируют» нацию, т.е. удревяют ее, находят в ней «золотой век» и национальных героев; 3) они «тотализируют» нацию, т.е. нивелируют всякие индивидуальные отличия и особенности, описывая человека как «коллективную личность» с коллективной памятью, коллективной родиной и т.д. [Smith 1998: 15–16].

Современными западными исследователями «этнический дискурс», популярный в среднеазиатских республиках, обычно оценивается и анализируется с точки зрения конструктивистской критики. В наиболее концентрированном виде эту критику можно найти, в частности, в работе известного французского специалиста по Среднему Востоку и исламу О. Руа «Новая Средняя Азия: создание наций». Его рассуждения включают в себя несколько существенных положений касательно истории региона.

Первое положение: у О. Руа вызывает большие сомнения попытка описывать части и группы среднеазиатского населения к моменту русского завоевания и особенно советских реформ как «этнические общности». Автор пишет: «В это время такие термины, как “узбеки”, “таджики”, “киргизы” и “туркмены”, конечно, использовались, но они в действительности не охватывали весь комплекс взаимодействия идентичностей; понятие “этническая группа” есть в большей степени политическая конструкция, чем наблюдаемый факт <...>. Идея ассоциирования территории с этнической группой, определяемой языком, была чужда политическим идеям мусульман Средней Азии» [Roy 2000: 3]. По мнению французского исследователя, группу определяла не этничность или язык, а «экологическое пространство, которое она занимала»; в качестве примера он приводит сартов — это была оседлая, не родоплеменная группа сельских жителей, связанная культурными узами независимо от языка, и только в конце XIX в. российские этнографы придали этому термину этническое значение.

Второе положение: среднеазиатские нации не являются результатом длительного развития (этногенеза), а были искусственно созданы советской властью. Причем «стратегической

целью во время основания новой империи было разрушить широкие лингвистические и культурные блоки, основанные на языке (тюркском) и религии (исламе)» [Roy 2000: VIII]. После декретов о создании титульных народов «антропологам, лингвистам-экспертам и историкам оставалось только объяснить, как эти виртуальные народы прождали столетия, чтобы достигнуть своей политической инкарнации» [Roy 2000: IX]. О. Руа специально говорит о советской этнографии как об элементе национальной политики в СССР, полагая, что Ю.В. Бромлей, которому на Западе обычно приписывается создание «теории этноса», рационализировал взгляды, которые сформулировал Сталин.

Третий тезис О. Руа: современные национальные государства Средней Азии продолжают следовать логике советской национальной политики. Проблема среднеазиатских независимых государств заключается в том, что они не столько возвращаются к прежним формам существования, сколько создают национальное государство на том фундаменте, который остался от империи и Советского Союза: «Логика новых государств состоит в том, чтобы произвести ясную национальную легитимность, но она не порывает резко с советским периодом, который дал рождение новым республикам, и это, следовательно, часть их легитимности» [Roy 2000: 163]. И хотя роль России нередко переосмысливается негативно, но в целом среднеазиатские историки и политики «адаптировали советскую матрицу». Говоря, в частности, об Узбекистане, О. Руа добавляет, что перед его элитами стоит альтернатива — выбрать в качестве национальной идеологии концепцию мультиэтнического государства, в котором быть «узбекистанцем» не означает быть узбеком, или концепцию Узбекистана как узбекского государства. Французский ученый считает, что ясного выбора в пользу одной из концепций пока не произошло.

Итак, по мнению О. Руа, отношение среднеазиатских элит к истории и культуре Средней Азии противоречиво. Стремление порвать с советским прошлым соседствует с многочисленными символами советского времени, которые эти элиты продолжают считать важным ресурсом собственной легитимации. Кроме того, так называемая официальная точка зрения зависит от настроения власти и меняющейся обстановки, сама меняется и является предметом борьбы. Влияние государственной идеологии на науку сильно, но и за пределами официальной точки зрения остается некоторое пространство для альтернативных оценок. Национальная идеология, иначе говоря, не есть что-то однозначное и застывшее. Многие местные интеллектуалы пытаются экспериментировать с разными

моделями и методологиями, предлагают свои варианты ответов на вопросы, которые остаются нерешенными и вызывают споры. Одним из таких вопросов является, как и сто лет тому назад, «проблема сартов».

«Проблема сартов» в новых исследованиях

Распад СССР и отказ от прежней политкорректности в рамках одного политического пространства вызвали новую волну интереса к «проблеме сартов», которая долгое время считалась неудобной темой.

Большое внимание к сартам проявили таджикские ученые в начале 2000-х гг. Для них «проблема сартов» стала одним из поводов к продолжению и расширению дискуссии о том, кто такие «таджики», в частности, поводом к интерпретации истории национально-государственного размежевания 1920-х гг. как совершенной по отношению к среднеазиатским таджикам несправедливости и как продолжения агрессии пришельцев-узбеков (тюркоязычных племен) против коренного ирано-язычного — таджикского — населения.

Директор Института истории АН РТ Р. Масов в книге «Таджики: вытеснение и ассимиляция» (2003) писал, что сарты — «смешанная народность», которая возникла «от слияния» ирано-язычного населения с тюрко-монгольскими «пришельцами», причем «примеси таджикской крови у сартов было гораздо больше» [Масов 2003: 36–37]. В другой своей работе он утверждал, что «сартами по существу были не только тюрко-таджикские метисы, но и абсолютное большинство сартского населения составляли именно таджики, которые в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств забыли таджикский язык, свое этническое происхождение» [Масов 1995: 62].

В статье с характерным названием «О термине “сарт” как о синониме этнонима “таджик”» (2002) другой таджикский исследователь — А. Мирбабаев — назвал проблему сартов «шекотливым вопросом», который историография советского времени обходила молчанием. По мнению автора, в XV–XVII вв. термин «сарт» прилагался к таджикам, «в особенности к торговоремесленной прослойке города, в руках которой сосредоточивалась и духовная власть» [Мирбабаев 2002: 185–186], «сарты являются таджиками, а не узбеками и киргизами», «сартовский язык» состоял из «таджикских слов» с примесью «узбекских говоров» [Мирбабаев 2002: 191, 192]. Сарты-таджики контактировали с тюрками, поэтому у них «выработалось двуязычие», сам же «процесс сартизации узбеков, киргиз, тюрков, курама и других тюркских племен Средней Азии, и особенно долины

Ферганы, имел место довольно поздно, в конце XIX — начале XX в.» и был связан с приходом русских и «с воцарением мира и спокойствия в крае». В 1920-е гг. власти, как пишет А. Мирбабаев, дали указание заменить термин «сарт» на «узбеки», после чего эти два понятия «были смешаны в одно». Таджикский ученый назвал «заблуждением» стремление «рассматривать сартов как отдельную этническую группу» [Мирбабаев 2002: 194].

О термине «сарт» пишет в своей книге «Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане» (2003) еще один таджикский исследователь — П.Д. Шозимов. Он утверждает, что «в различных интерпретациях» этого термина лежит «ключ к пониманию как таджикской, так и узбекской идентичности». Именно в этих интерпретациях возникают сложные противоречия: «Если критериями определения таджикской идентичности выступают язык — таджикский (фарси), и образ жизни — оседлый, то сарты, по мнению большинства исследователей, имеют те же характеристики. Тогда по каким критериям отличается таджикская идентичность от идентичности сартов?» [Шозимов 2003: 87–88]. С другой стороны, если сарты — это оседлые узбеки, то чем оседлые узбеки отличаются от таджиков? Автор предлагает искать решение проблемы сартов «не в рассмотрении его [термина “сарты”] как константной этнической или социальной единицы, а в параметре изменения его значения в разные исторические периоды» [Шозимов 2003: 89].

По мнению Шозимова, «различие между таджикской и сартской идентичностями имело не столько языковой, сколько стратификационный характер», сарты были связаны с торговыми делами и в силу этого, как правило, владели и иранским, и тюркским языками. Однако «постепенный переход их из транскультурных и трансэкономических зон создавал предпосылки для их структуризации и постепенной потери той гибкой и многоуровневой идентичности», а уже к концу XIX в. сарты, «которые ранее отождествлялись с таджиками», рассматривались уже как «тюркоговорящее оседлое население» [Шозимов 2003: 93–94]. Российские власти попытались определить сартов как самостоятельную этническую единицу, но вплоть до начала XX в. сарты оставались особой социокультурной группой, которая сохранялась и среди таджиков, и среди узбеков и которая объединяла их. П.Д. Шозимов, следовательно, однозначно не отождествляет сартов с какой-либо современной нацией и лишь ставит под сомнение однобокую этническую интерпретацию этого названия, что, однако, с узбекской точки зрения все равно

выглядит как покушение на «узбекскую монополию» на историю сартов.

Тема сартов привлекла не только таджикских ученых¹. К ней обратились и исследователи из Кыргызстана, в частности А. Койчиев в книге «Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924–1927 гг.)» [Койчиев 2001]. По его мнению, сарты, древние жители региона, — «один из крупных тюркоязычных этносов, ведущих оседлый образ жизни», произошедший от смешения иранских (в том числе восточно-иранских) и тюркских групп и племен, включая в последнем случае кыргызов. «В процессе этнического формирования, — пишет автор далее, — сарты претерпели существенные изменения, и название “сарт” стало обозначать только тюркоязычную народность, что говорит о завершении ее формирования» [Койчиев 2001: 8]. В момент национального размежевания «судьба сартов стала политическим орудием в руках различных сил», большевики и «пантюркисты» решили на основе сартов сформировать «тюркскую общность» с новым именем «узбеки». А. Койчиев полагает, что эта политика проводилась при «недостаточном изучении этнографического состава местного населения и характера этнических процессов» [Койчиев 2001: 80]. Используя тему «сартов», исследователь прямо не говорит, но намекает, что национальное размежевание в 1920-е гг. происходило в пользу Узбекистана и в ущерб соседним республикам.

В узбекской историографии тема «сартов» до самого последнего времени оставалась под негласным запретом. Упоминание этого термина означало бы, с точки зрения узбекских ученых и политиков, возобновление дискуссии о нетюркских корнях узбеков, о таджикских (и прочих) претензиях на культурное наследие и территорию Узбекистана и т.д. Вопрос о «сартах», по мнению многих местных ученых, был и остается искусственным, привнесенным в регион извне с явными политическими целями. А.А. Аскарлов, бывший директор Института истории АН РУ и археолог по специальности, выразил узбекскую позицию по этому вопросу однозначно: «До 20-х годов XX в. под термином “узбек” сторонники индоевропейской концепции, характерной особенно для русского востоковедения, понимали лишь шейбанидских узбеков, не признавая местное узбекоязычное население (так называемых “сартов” — древнего местного тюркоязычного населения Маверауннахра

¹ Впрочем, нельзя сказать, что тема сартов является для таджикских ученых самой важной. Таджикские претензии направлены прежде всего на Бухару и Самарканд, где вопрос о сартах не так актуален.

и Хорезма), хотя термин “узбек” охватывал обе части узбекского народа» [Аскарлов 1997: 75]¹. А. Аскарлов признает, что население, «именовавшееся сартами», не имело узбекского самосознания, но указывает на то, что оно говорило на тюркском («староузбекском») языке. Именно язык — главный довод, чтобы причислить сартов задним числом к узбекскому народу.

Известный узбекский этнограф К.Ш. Шаниязов в книге «Процессы формирования узбекского народа», написанной с использованием словаря советской теории этноса, только однажды упомянул сартов, указав со ссылкой на российского востоковеда В.В. Бартольда, что в XVIII—XIX вв. этот термин относился к узбекам [Шаниязов 2001: 415]. Другой узбекский этнограф упомянул сартов как один из трех «субэтносов» в составе узбеков в XIX в., назвав их потомками древнего населения региона без указания, на каком языке это население когда-то говорило [Джаббаров 1994: 80]².

Современное обсуждение «проблемы сартов» копирует ту дискуссию, которая велась в XIX — начале XX в. Одни исследователи (А. Койчиев) увидели в сартах самостоятельную этническую общность, другие (Р. Масов и А. Мирбабаев) назвали сартов таджиками, третьи (П.Д. Шозимов) вспомнили, что сарты являются социальной, а не этнической группой. Правда, политический подтекст дискуссии стал другим: разные стратегии «вспоминания» сартов кыргызскими и особенно таджикскими учеными имеют более или менее явно выраженную «антиузбекскую» цель, стремление отделить историю сартов от истории узбеков и тем самым поставить под сомнение само понятие «узбекская нация», а значит, и ту территориальную конфигурацию «национальных республик», которая сложилась в 1920-е гг. Узбекские исследователи избрали стратегию «умолчания», подразумевая, что сарты являются частью исключительно узбекского народа и это не должно быть предметом какого-либо спора.

Сарты — методологическая проблема

Удивительным исключением на этом общем фоне является позиция А. Ильхамова, выраженная им в 2002 г. в статье «Археология узбекской идентичности», опубликованной в книге «Этнический атлас Узбекистана» [Ильхамов 2002]. В ней он подверг критике примордиалистскую логику всех прежних

¹ Достаточно подробно А.А. Аскарлов аргументировал свою точку зрения в книге «Этногенез и этническая история узбекского народа» [Аскарлов 2007].

² См. также: [Джаббаров 2007: 32].

попыток объяснить происхождение узбекской нации и, назвав свою методологическую позицию конструктивистской, выдвинул тезис о том, что начало формирования узбекской нации надо искать в 1920-х гг., а не в древней истории, как это обычно делают историки и этнографы. Остановлюсь на этой точке зрения подробнее.

Прежде чем разбирать содержание и аргументы упомянутой статьи, я хочу несколько слов сказать об одной проблеме, которая возникает каждый раз, когда речь идет об «искусственном создании» среднеазиатских наций. Эта проблема заключается в том, что данный тезис конструктивистской критики появился на свет задолго до самого конструктивизма как осмысленной методологии. Он возник в советологической литературе, которая пыталась доказать, что большевики намеренно инициировали процесс изобретения наций в регионе с целью раздробить местное мусульманское общество на отдельные этнические группы, которые бы противостояли друг другу и были легкой «добычей» для имперской советской политики.

Сегодня различить советологов и конструктивистов очень сложно. Они обильно цитируют друг друга и при этом ищут друг у друга авторитетной поддержки, хотя задачи у них совершенно разные, даже в некотором смысле противоположные. Советологи критиковали большевиков, советскую «империю», в частности советскую «колониальную» политику по отношению к Средней Азии; конструктивисты же, которые делают акцент на методологии, своей целью часто видят критику националистического эссенциализма. Советологическая точка зрения вполне, таким образом, вписывается в современную идеологию «национальной независимости», конструктивистская, напротив, ее подрывает. При этом, как я уже отметил, довольно сложно провести четкую разграничительную линию между рассуждениями и аргументами советологов и идейных конструктивистов, что, собственно, и вызывает многие парадоксальные, на первый взгляд, повороты в дискуссии о происхождении среднеазиатских наций.

А. Ильхамову в своей конструктивистской критике не всегда удается избежать советологических штампов. Советологический оттенок заметен в том, что процесс конструирования рассматривается им почти исключительно как целенаправленная деятельность узкого круга элит, «изобретающих» нации. При этом возникает очевидный соблазн объявить эту деятельность «неправильной» или «зловредной». В такой интерпретации конструктивистская методология незаметно для автора превращается порой в набор упреков в адрес «большевиков» и советских этнографов.

Явный советологический оттенок имеет, например, та часть статьи А. Ильхамова, которая посвящена роли советских востоковедов, историков и этнографов в «канонизации узбекской нации». Автор признает «вклад российской школы» в изучение региона, но отмечает в ее деятельности «налет имперского миссионерства, что-то вроде миссии “белого человека”» [Там же: 294]. В советское время, по мнению автора, все экспедиции и публикации осуществлялись под контролем власти, с санкции партийных органов и не могли выходить за рамки «генеральной линии партии по национальному вопросу».

В «Археологии узбекской идентичности» говорится о трех «исторических моментах», когда советские востоковеды сыграли «важную обслуживающую роль в проведении генеральной линии партии и государства по национальному вопросу»: 1) работа под руководством И.П. Магидовича Комиссии по национально-территориальному районированию в 1924 г., когда был «очерчен профиль современной узбекской нации» и, в частности, было решено включить в ее состав сартов; 2) деятельность историка А.Ю. Якубовского, который предложил концепцию удревнения узбеков и снял неудобную тему узбекского самосознания; 3) этнографические экспедиции в 1950-е гг., когда «центральные органы партии», обеспокоенные ростом узбекского национализма, «режиссировали» исследования, которые должны были поставить «под сомнение монолитность современной узбекской нации» и «правомерность» включения в нее таких групп, как тюрки и кипчаки [Там же: 295].

На мой взгляд, видеть в перечисленных работах историков и этнографов только социальный («партийный») заказ было бы неправильно. Наука в советское время все-таки обладала определенной автономией, и внутри нее существовали и многообразие концепций, и конкуренция различных мнений, и стремление к «объективности», и даже желание эзоповым языком сформулировать оппозиционную по отношению к официозу точку зрения. В рамках советской исторической и этнографической науки существовали, например, республиканские школы, у которых часто были противоречия как между собой (в чем нетрудно убедиться, сравнив труды узбекских и таджикских специалистов), так и с центром. В московских и ленинградских научных кругах тоже не было единодушия, а происходила постоянная борьба за «очищение рядов», причем кто в этой борьбе окажется на какой стороне — заранее не было predetermined. Да и сама власть не была монолитной: различные группировки и «кланы» по-разному видели будущее страны и могли «спускать вниз» очень противоречивые партийные заказы (чем, кстати, ученые часто пользовались, отстаивая свою автономию).

Тот же И.П. Магидович, работая статистиком в государственной, а не академической структуре, действительно в каком-то смысле выполнял «заказ», но вряд ли стоит упрекать его за ту точку зрения, которую он отстаивал. В его время было много разных мнений по поводу того, кто такие узбеки и каков должен быть их «профиль». Ни статус Магидовича, ни стиль его высказываний не говорят о том, что он обладал какой-то исключительной монополией на истину. Целый ряд авторитетных ученых: В.В. Бартольд, Н.Г. Маллицкий, А.А. Семенов и другие — возражали, например, против замены термина «сарты» на термин «узбеки», на чем настаивал И.П. Магидович. Не стоит «демонизировать» Магидовича еще и потому, что кроме него в процессе конструирования среднеазиатских наций активно участвовали известные эксперты А.Н. Самойлович и И.И. Зарубин. Причем последний писал, что еще при проведении переписи 1917 г., т.е. до прихода большевиков к власти и задолго до работы Комиссии по районированию, которой руководил И.П. Магидович, «было разъяснено сотрудникам, что особого народа “сарт” не существует и что этот термин всюду должен быть заменен словом “узбек”» [Зарубин 1925: 15–16].

В работах послевоенного времени социальный заказ можно проследить с еще большим трудом. Бездоказательно звучит утверждение Ильхамова, что в 1950-е гг. центр сформулировал перед учеными задачу поставить под сомнение монолитность узбекской нации. Действительно, Б.Х. Кармышева в 1960 г. написала одну статью о тюрках, а К.Ш. Шаниязов в 1974 г. — книгу о кипчаках [Кармышева 1960; Шаниязов 1974]. Были работы и о других «этнографических группах» — локайцах, карлуках, кураминцах и т.д. [Кармышева 1954; Файзиев 1965; Шаниязов 1964]. Однако нигде не было ни одного намека на тайный замысел борьбы с узбекским национализмом. Напротив, этнографы, включая Кармышеву и Шаниязова, не уставали повторять, что узбеки, несмотря на все внутренние различия, были единой народностью на протяжении нескольких веков и что в XX в. процесс окончательной консолидации узбекской нации успешно завершился.

Из трех «исторических моментов» подробно А. Ильхамов анализирует только второй — работу А.Ю. Якубовского «К вопросу об этногенезе узбекского народа» (1941), в которой была отвергнута «идентификация истории народа с историей его этнонима» и сформулирован новый способ интерпретации формирования узбеков («селективная структуризация прошлого в соответствии с нуждами сегодняшнего дня») [Ильхамов 2002: 296–297]. Суть позиции Якубовского состояла, напомним, в том, что узбеки сформировались в единую общность до того,

как они получили свое имя «узбеки» и осознали себя «узбеками». Это действительно очень важный поворот в дискуссиях о происхождении узбекской нации, на основе которого позже была выстроена вся историко-культурная мифология «национальной государственности», ее неизбежности, легитимности, историчности.

Я, правда, не стал бы привязывать появление названной работы к началу Великой Отечественной войны, когда Сталин, обеспокоенный «неблагонадежностью народов Средней Азии», хотел, как объясняет А. Ильхамов, укрепить тылы с помощью советского патриотизма и чувства национальной гордости за свое прошлое. Термин «узбек» и без того представлял довольно большую проблему для идеологов советской национальной политики, сужая исторический и культурный горизонт самой «главной» нации в Средней Азии. Историки и этнографы были вынуждены найти новую интерпретацию «узбекской истории» независимо от патриотических потребностей Сталина, просто в силу логики национального конструирования.

Кроме того, методология, которую сформулировал А.Ю. Якубовский, созревала в головах многих ученых того времени (Ильхамов упоминает историка и этнографа С.П. Толстова, а я бы назвал и партийного чиновника и по совместительству востоковеда Б.Г. Гафурова, который применил похожую методологию по отношению к истории и культуре таджиков). К тому же надо учитывать, что у Якубовского были и свои авторитетные оппоненты, например, в лице А.А. Семенова, который в книге «История народов Узбекистана», изданной в 1947 г., излагал иную, менее ортодоксальную версию происхождения узбеков [История народов Узбекистана 1947: 134–139]¹.

Разумеется, я тем самым не собираюсь утверждать, что позиция А. Ильхамова предвзятая и что он не видит того взаимодействия разных интересов (а не только одностороннего «имперского» влияния), в котором совершалось конструирование узбекской нации. На мой взгляд, автор очень правильно пишет о том, что образование Узбекской ССР было «результатом сложения усилий правящих и культурных элит», среди которых были не только большевики, представлявшие Россию, но и мусульмане-«прогрессисты» (джадиды), и национал-коммунисты. Как справедливо пишет А. Ильхамов, в споре всех этих разных сил вырабатывалось решение о «профиле узбекской национальности» [Ильхамов 2002: 289]. Здесь у А. Ильхамова прозвучал очень важный тезис: решение о создании нацио-

¹ Впрочем, этот том «Истории» был на рубеже 1940–1950-х гг. раскритикован узбекской властью и учеными. Готовить новый том было поручено А. Якубовскому!

нальных республик и советская национальная политика в целом не только находились в русле политики «разделяй и властвуй», но и отражали интересы немалой части местной элиты. Последние исследования показывают, что представления о «нации» в Средней Азии формировались не только в результате русского влияния, но и под сильным влиянием реформ в Османской империи, в Афганистане и в Британской Индии [Khalid 2006; Edgar 2006]. Я бы обратил внимание также и на такой факт, как активное участие в движении за автономию Туркестана (а позже и в большевистском правительстве) многих татаро-башкирских и казахских деятелей (С.-А. Лапин, М. Чокай, А.З. Валиди, Т. Рыскулов, С. Ходжанов и др.).

Впрочем, не со всеми утверждениями А. Ильхамова и в этой части его статьи стоит соглашаться. Вряд ли, например, можно говорить и о «центральном партийно-политическом аппарате» как единой силе, не учитывая многочисленные разногласия внутри центральных органов этого аппарата, а также между центральными и местными органами, с одной стороны, и разными региональными структурами — с другой. Я бы добавил к списку Ильхамова четвертую силу, чье влияние на процесс создания «узбекской нации» было достаточно заметным, — российских ученых (например, петроградскую Комиссию по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран), о чем писала американский историк Ф. Хирш [Hirsch 2005]. Кроме того, на процесс национального строительства в Средней Азии в 1920-е гг. можно и нужно посмотреть не только с точки зрения деятельности элиты, но и с точки зрения того, как идея «нации» и этничность воспринимались населением региона, как они становились частью стратегии поведения людей на более низких уровнях социальной иерархии. В частности, внимания заслуживают сама процедура делимитации национальных границ, масса прошений и протестов, которые сопровождали размежевание, организация переписи населения 1926 г. и т.д. [Naugen 2003].

В статье А. Ильхамова упущен и еще один важный момент: формирование узбекской нации происходит у него как бы отдельно от других наций Средней Азии. Автор много говорит о тюркских диалектах и о выборе в пользу одного из них при создании литературного узбекского языка. Он утверждает, что выбор в пользу чагатайского языка, в котором заметно большое влияние иранизмов, как основы новоузбекского языка объясняется тем, что лоббирующие этот выбор джаиды (Фитрат) «принадлежали к кругам интеллигенции, которых (особенно в Самарканде и Бухаре) отличал билингвизм» [Ильхамов 2002: 293]. Замечу в этой связи, что современные таджикские ученые считают двуязычных

джадидов «таджиками» (некоторые из них — тот же С. Айни — действительно оказались в роли основателей таджикского литературного языка и таджикской литературы), иногда добавляя эпитет «предатели» [Масов 1991, 1995, 2003]. Не замечать таких претензий — значит молчаливо отвергать их, что, на мой взгляд, неверно. Процесс конструирования узбекской нации необходимо рассматривать не изолированно, а в контексте всего, что происходило в Средней Азии в эти годы, включая конструирование «таджиков», «казахов», «киргизов», «уйгуров» и т.д., не говоря уже о национальной политике советской власти в других регионах страны.

Любая конструктивистская критика вызывает вопрос: что же конструктивисты, критикуя своих оппонентов, предлагают взамен? Последовательный конструктивист отвергнет этот вопрос, поскольку сама его постановка указывает на возможность такого взгляда на историю, при котором последняя сама становится инструментом манипулирования и конструирования. Как только конструктивист начинает рисовать «правильную историю», он тут же рискует сам подвергнуться конструктивистской критике. Это хорошо видно на примере статьи А. Ильхамова.

Вопреки заявленной приверженности конструктивистской концепции образования «нации», автор включает в начало своей статьи раздел «Этногенез». Заявление о том, что «с точки зрения национальной идентичности и значения этнонима следует отличать современных узбеков от узбеков периода XV—XX столетий» [Ильхамов 2002: 270], не спасает автора от желания найти «корни» современных узбеков в далеком прошлом. Последние являются, по мнению А. Ильхамова, потомками «как минимум» трех «этнических общностей»: 1) дашти-кипчакских кочевых узбеков; 2) «примкнувших к ним» местных тюркских племен и родов (из числа чагатаев и отчасти огузов); 3) сартов. Данный тезис находится полностью в рамках сложившегося советского языка, который можно найти в работах российских и узбекских ученых советского времени. По сути дела, А. Ильхамов втягивается в совершенно бесплодную дискуссию о том, что такое «этническая общность», можно ли называть все упомянутые общности «этническими», сколько таких общностей должно быть — три или, может быть, две или пять.

Рисуя свою картину «этногенеза», А. Ильхамов вольно или невольно использует понятийный словарь, подразумевающий в свою очередь примордиалистский язык, от которого автор отрешивается. Получается много противоречий и недоразумений. В статье говорится об «этногенезе дашти-кипчакских узбеков», из чего можно сделать вывод о существовании такого

«этноса», хотя сам автор избегает это утверждать. Говоря об «этнической общности» чагатаев, А. Ильхамов опровергает себя самого: «Жители Средней Азии во время и после упадка Чагатайского улуса, независимо от этнической или племенной принадлежности, стали именоваться чагатаями. Этот термин стал собирательным для всех народов, находившихся под началом Чагатайского улуса, этнонимом, подчеркивающим прежде всего их отличие от народов, находящихся под началом других монгольских улусов, в т.ч. Узбекского» [Там же: 275]. Все правильно, но почему вместо «этнической и племенной принадлежности» не сказать «культурно-языковой и племенной»? Что значит «собирательным для всех народов», что означает в данном случае слово «народ»? Почему термин «чагатай» надо называть «этнонимом», хотя сама фраза построена так, чтобы доказать обратное? А. Ильхамов сам не замечает, что использует советскую теорию этноса для своих описаний!

Самая оригинальная и самая большая часть раздела «Этногенез» — «Сарты». А. Ильхамов едва ли не первым среди узбекских исследователей реабилитирует термин «сарты» и возобновляет дебаты по поводу этого названия, обсуждать которое в последние десятилетия считалось (негласно) лишним. Такое внимание к сартам объясняется конструктивистской логикой «Археологии узбекской идентичности». Именно «проблема сартов» и споры о том, кто они такие, наиболее отчетливо показывают процесс формирования узбекской нации. В этой части своей статьи А. Ильхамов выступает как последовательный конструктивист, разбирающий (деконструирующий) процедуру манипуляции смыслами термина. При этом, что удивительно, А. Ильхамов тут же дает весьма примордиалистское определение сартам, утверждая, что они состоят из «оседлого тюркоязычного, преимущественно городского, населения» и происходят из «тюрков, отошедших от кочевого образа жизни и утеревших свою родоплеменную принадлежность, а также из тюркизированных таджиков» [Там же: 270]!

Автор выделяет три группы исследователей с разными точками зрения по поводу сартов. Первые считали, что существовала особая «этническая идентичность у сартов». К сторонникам такой точки зрения он причисляет А. Вамбери, В.В. Радлова, В.В. Бартольда и Н.П. Остроумова [Там же: 277]. Приведенный список неточен: Вамбери считал, что сарты — часть таджиков; Радлов считал, что это скорее часть «татар» (т.е. тюркоязычного населения); только Остроумов наиболее последовательно отстаивал мнение, что сарты — самостоятельный народ. Что касается Бартольда, то он высказывался на эту тему крайне осторожно, порой двусмысленно, но склонен был разделить

точку зрения Остроумова [Абашин 2007: 109, 113, 123–126, 129–130, 166–168].

Вторая группа, которую выделяет А. Ильхамов, признавала термин «сарты», но объединяла их с узбеками, третья же группа и вовсе отрицала обоснованность использования этого термина. К числу первых автор причисляет В.П. Наливкина и И.П. Магидовича, к числу вторых — местных интеллектуалов Махмуд-ходжу Бехбуди и Шерали (Сер-Али) Лапина [Ильхамов 2002: 278, 279]. На мой взгляд, обе эти группы мало чем отличались друг от друга: обе предпочитали термину «сарты» какие-то другие названия. Например, В. Наливкин писал о «сарто-узбеках» и «сарто-таджиках», исключая из термина «сарты» какое-либо этническое содержание [Абашин 2007: 119–121, 146–147]. А. Ильхамов верно подметил, что и термин «узбеки» Наливкин толковал очень расширительно, включая в него те группы, которые называются ныне казахами и кыргызами.

Безусловной заслугой Ильхамова является внимание к творчеству С.-А. Лапина, который первым сделал попытку дискредитировать термин «сарты» и заменить его термином «узбеки» [Там же: 127–129]. Махмуд-ходжа Бехбуди позднее повторил точку зрения Лапина, отвергнув имя «сарт», но не предложив взамен ничего определенного [Там же: 149–153]. Что же касается Магидовича, то он также выступал против термина «сарты», причем ссылался опять же на Лапина [Там же: 158–161].

Очень показательно, что в классификации А. Ильхамова отсутствует еще одна — очень популярная и даже господствовавшая в середине XIX в. — точка зрения, согласно которой сарты суть таджики или особая группа внутри «иранских племен». Ее сторонниками были, например, Ю.Д. Южаков, А.П. Хорошин, А.Д. Гребенкин, А.Ф. Миддендорф [Там же: 109–112, 116–119]. Трудно сказать, почему этот огромный историографический пласт выпал из статьи А. Ильхамова. Объясняется это, видимо, не только незнакомством с работами перечисленных ученых, но и нежеланием привлекать в анализ конструирования узбекской нации «таджикские сюжеты». А. Ильхамов не хочет «отдавать» сартов таджикам или еще кому-либо даже под предлогом смены методологии изучения наций, оставаясь, следовательно, исключительно внутри узбекского национального дискурса. Между тем без учета «таджикской» точки зрения сложно понять и сам спор по «сартовской проблеме»¹. Так,

¹ На это также обратил внимание в дискуссии по поводу статьи Ильхамова П.Д. Шозимов (см.: [Шозимов 2005: 66]). Правда, в позиции Шозимова можно усмотреть желание «таджикизировать» сартов, на что в свою очередь обратил внимание Ильхамов в своем отклике [Ильхамов 2005: 97–98]. Спор узбеков и таджиков неизбежно заканчивается такими взаимными подозрениями!

иранские корни сартов — один из главных аргументов Остроумова и Бартольда в их несогласии с Лапиным и джадидами по вопросу о принадлежности сартов к «узбекам», т.е. тюркам. Этот же вопрос разделил Семенова и Якубовского в 1940-е гг.

В целом соглашаясь с тем, что споры вокруг термина «сарты» являются, пожалуй, ключевым сюжетом в понимании того, как создавалась узбекская нация в 1920-е гг., я бы оспорил некоторые доводы, которые А. Ильхамов приводит в этой связи. Например, автор сравнивает данные переписи 1897 г. и данные 1914 г. (из книги М.В. Лаврова «Туркестан», где отражена текущая статистика на тот момент), которые якобы показывают резкое уменьшение числа узбеков и увеличение числа сартов, из чего делается вывод о «переходе из категории узбеков в категорию сартов» [Ильхамов 2002: 284]. На самом деле сравнивать данные переписи 1897 г. и текущей статистики нельзя, т.к. они были построены на разных принципах: перепись фиксировала не «национальность», а «родной язык», поэтому ее данные о сартах были ниже данных текущей статистики. Если сравнивать данные текущей статистики 1914 г. с данными текущей же статистики 1897 г., то мы выясним, что никто никуда не переходил — сарты стабильно составляли около 2/3 всего оседлого населения [Абашин 2007: 132–141].

В данном случае дело, однако, не только в неразборчивости при отборе источников, но и в примордиалистском их прочтении. А. Ильхамов интерпретирует изменение цифр как факт изменения в сознании людей. На самом же деле российская статистика не отражала идентичности местного населения. В текущей статистике имела место явная манипуляция разного рода названиями, когда, например, группа населения, названная «узбеками», совершала невероятные «кульбиты»: то увеличивалась в несколько раз, до нескольких десятков тысяч, то уменьшалась до нуля. Ясно, что в данном случае чиновники статистических органов сами принимали решение, кого считать узбеками, а кого нет.

Любопытно объяснение А. Ильхамова, почему большевики и джадиды в 1920-е гг. предпочли термину «сарты» название «узбеки». Он объясняет это тем, что сарты ассоциировались у большевиков с городом, торговлей, ремеслом, управлением, а узбеки будто бы «больше подходили под категорию угнетенной бедноты, являющейся, тем самым, естественным союзником Советов» [Ильхамов 2002: 286]. В этом случае сыграл свою роль классовый подход новой власти. Однако автор сам же себя опровергает, когда пишет, что термин «узбеки» обладал гораздо большим «символическим капиталом», поскольку сарты ассоциировались с таджиками, которые в свою очередь вос-

принимались как покоренный народ (я бы добавил — «рабы»), тогда как узбеки были «сипах», т.е. военным сословием («дворянством»). Термин «сарты», пишет А. Ильхамов, не имел богатой письменной традиции, в отличие от термина «узбеки», который прославлялся в местной литературе деяниями разного рода узбекских вождей, т.е. сарты «оказывались без национальных святынь, без предметов национальной гордости и как бы вне истории вообще» [Там же: 287]. Это, на мой взгляд, более точное замечание. К нему надо добавить, что в 1920-е гг. к власти в Туркестане и потом в Узбекистане пришли бухарские и самаркандские джаиды-тюркисты, для которых слово «узбек» было престижнее, чем для ферганцев и ташкентцев, а слово «сарт» имело слишком много указаний на нетюркское происхождение. Другими словами, власть не столько использовала уже сложившийся «социальный капитал» термина «узбеки», сколько манипулировала разными смыслами этого термина, создавала и предлагала их разным слоям населения и в разных ситуациях.

Нации, этносы и конструктивизм

Теперь несколько слов о том, как встретили статью А. Ильхамова в самом Узбекистане¹. Поначалу узбекские информационные агентства распространили положительную оценку «Этнического атласа». Агентство ЖАХОН при Министерстве иностранных дел в своей аннотации даже назвало книгу «этнографическим бестселлером». Однако значительная часть историков и этнографов Узбекистана восприняли новый труд крайне отрицательно.

В 2004 г. в газете «Правда Востока» появилась статья «Объективность и ответственность: Каким не должен быть этнический атлас Узбекистана», которая чуть позже в модифицированном варианте была напечатана в журнале «История Узбекистана» [Алимова, Арифханова, Камолиддин 2004]. В ней утверждалось, что «Этнический атлас Узбекистана» имеет «крупные недостатки и просчеты», демонстрирует «неверные взгляды» и непрофессионализм. Главный недостаток атласа, по мнению критиков, заключается в том, что он содержит «старую, уже отвергнутую этнологами версию формирования узбекской народности», «позиция А. Ильхамова, по сути, не новая и сводится к тому, что узбекская народность формировалась в эпоху Шейбанидов» [Там же: 77, 78]. Взамен было

¹ В России статья Ильхамова обсуждалась на страницах журналов «Этнографическое обозрение» (ЭО. 2005. № 1) и «Ab Imperio» (Ab Imperio. 2005. № 4).

предложено обратить внимание на «местный тюркоязычный субстрат» и «более древние тюркоязычные пласты», сарты же при этом были названы «древним, оседлым, ремесленно-земледельческим населением». Авторы критической статьи, таким образом, не увидели методологических разногласий с Ильхамовым или не придали им существенного значения, переклотив свое внимание на вопрос о древности узбеков. В статье лишь мимоходом упоминалась «теория конструктивизма», которая «отрицает существование этнических сообществ как объективной реальности» и которая «признается рациональной далеко не всем этнологическим сообществом» [Там же: 79, 80].

Можно, конечно, сказать, что подобного рода критику спровоцировал сам А. Ильхамов, который, как я уже показал, несмотря на конструктивистский пафос, в своей собственной статье (в отдельных ее разделах) предложил вполне традиционный взгляд на «этнические общности» и «этногенез». Соответственно в некоторой обиде за Шейбанидов, которых А. Ильхамов мягко противопоставил официозному культу Тимура¹, многие узбекские ученые увидели не столько отрицание теории этноса как таковой, сколько попытку в рамках той же теории свести происхождение узбекского «этноса» к шейбанидским узбекам, которые пришли в Среднюю Азию в XVI в.

Анализу работы Ильхамова была посвящена статья «Еще раз о проблемах этнологии в Узбекистане (в дополнение к дискуссии)», которая появилась на страницах российского журнала «Этнографическое обозрение» в 2006 г. Ее авторы повторили традиционную версию о происхождении узбеков, отделив формирование «оседло-земледельческого тюркоязычного населения» Средней Азии от самого имени «узбеки» и заявив о том, что «тюркский этнос», составивший «этническую базу современных узбеков», возник в IX–XI вв. в государстве Караханидов [Алимова, Арифханова, Аширов, Назаров 2006: 111–113]. Сравнительно более развернуто в этой статье говорится о сартах, но с оговоркой — «так называемые» [Там же: 111]. Авторы справедливо отметили некоторые противоречия в выражениях А. Ильхамова, когда он говорит о сартах то как о самостоятельной общности, то как о части узбеков. Правда, собственная их позиция по поводу сартов осталась не вполне ясной. Они пи-

¹ Здесь, видимо, Ильхамов следует за западным историком Э. Олуортом (см.: [Allworth 1990]). Последний вовсе не относится к сторонникам конструктивизма. Упрекая советских теоретиков за то, что они предопределяют этническую или национальную идентичность языком, культурой и «физической композицией человека», сам Олуорт всю историю узбеков сводит к истории термина «узбек», полагая, что «непрерывность имени, а не физиологического типа, поддерживает этническую группу» [Ibid.: 235]. См. детальную критику работы Олуорта у Ю. Брегеля: [Bregel 1996: 32–52].

сали, в частности, что термин «сарты» уже существовал среди местного населения до прихода русских, а «отказ джадидов от этого термина являлся своего рода протестом против колониализма», при этом тут же было сказано, что Махмуд-ходжа Бехбуди «провел этнографическое исследование и опрос населения в нескольких областях», прежде чем прийти к выводу о его оскорбительности [Там же: 115–116]. Какая «оскорбительность» имеется в виду — презрительное употребление слова казахами и другими кочевниками либо колониальное высокомерие по отношению к сартам — не совсем понятно. Непонятно, как узбекские историки и этнографы относятся к дискуссии о сартах — считают они ее сознательной политикой «разделяй и властвуй» или элементом политической борьбы разных элит или видят в ней всего лишь свидетельство недостаточного знания региона со стороны ученых и политиков.

В указанной статье была предложена также более развернутая критика конструктивизма как методологического направления, о котором заявил А. Ильхамов. Суть ее сводится к тому, что не стоит абсолютизировать субъективные действия государства и нужно учитывать «естественные процессы», «сущностные константы» и т.д. [Там же: 117–119]. Правда, никаких содержательных аргументов за или против, кроме этих общих пожеланий, не было сформулировано, что указывает на прежнее отсутствие интереса узбекских ученых к методологическому спору.

Свой анализ позиции А. Ильхамова попытался сформулировать другой узбекский исследователь, Алихан Аман, в статье «Об этимологии, значениях и истории слова “сарт”», размещенной в Интернете¹. Констатируя неопределенность употребления самого термина, автор предложил свой вариант его этимологии и попытался доказать, что слово «сарт» имеет тюркские корни, вписываясь, таким образом, в общую логику национальной узбекской историографии. Аман настаивал на том, что этот термин не был самоназванием и имел много негативных коннотаций, почему население и не приняло его в качестве национального имени: «Несостоявшимся ожиданиям переписывания всех жителей Средней Азии под тем или иным единым этнонимом способствовали не намерения исследователей или политиков, а результаты их следования самоназваниям групп населения, у которых еще в XVIII веке и до всевозможных переписей были альтернативные “сарту” самоназвания — араб, жугут (еврей), казах, каракалпак, курама, кунград, кыпчак, кыргыз, таджик, туркмен, узбек и пр.» [Аман].

¹ <<http://www.ethnonet.ru/ru/print/pub/sarty.html>>.

Аман подверг критике тезис о том, что выбор слова «узбеки» был продиктован исключительно стремлением большевиков политически подчинить себе регион: «Возможно, что были и другие цели переписей и национально-государственных размежеваний, как, например, провокации будущих трений и конфликтов для использования в политике “разделяй и властвуй”», однако эти цели существуют только как умозаключения тех или иных исследователей и без надежных обоснований этих умозаключений. Большевики-коммунисты руководствовались прежде всего рациональными интересами укрепления своей власти и экономики в любой из проектируемых ими государственных. И то и другое могло состояться только на основе эффективного управления многонациональным государством и баланса интересов элит как внутри национальностей, так и между ними. Провоцирование и планирование будущих межэтнических конфликтов могло только помешать становлению молодого государства и его безопасности» [Там же]. В этой цитате мы видим все то же смешение, но теперь в жанре опровержения, советологии и конструктивизма: автор нападает на первую за то, что ею не учитывается рациональный характер действий советской власти, но при этом думает, что тем самым опровергает методологические основания второго.

Как оценивать в целом исследование А. Ильхамова и развернувшуюся вокруг него дискуссию? Случайное ли это явление или мы имеем дело с какими-то новыми постсоветскими тенденциями в развитии узбекской и — шире — среднеазиатской интеллектуальной среды?

Как я пытался показать, заявленный Ильхамовым конструктивизм вполне встроено в идеологию «национальной независимости» и «постколониальную» критику «империи». Исследователь, на мой взгляд, не ставит перед собой однозначно задачу деконструировать узбекскую нацию, представить ее в виде фикции (как это было воспринято многими узбекскими и не только узбекскими учеными и, видимо, узбекскими политиками). А. Ильхамов попытался найти в новой методологии (более популярной и современной, чем советская теория этноса) элементы, с помощью которых можно было бы выстраивать легитимность узбекской нации каким-то другим способом, не используя аргументы прежней советской идеологии. И у такого нового прочтения есть, с позиций узбекского национализма, свои безусловные плюсы, на которые А. Ильхамов указывал. Отказ от удревнения этнической истории и символики позволяет, сохраняя единство нации, более безболезненно интегрировать многочисленные локальные культурные меньшинства (по советской терминологии, «этнографические группы»), принадлежность

которых к «этническим» узбекам постоянно ставилась под сомнение. Конструктивистская критика окончательно порывает с советско-российской традицией описания бесконечного «этногенеза» и позволяет убрать, наконец, то противоречие, которое имеется между «антиколониальной» риторикой идеологии «национальной независимости» Узбекистана и советскими («имперскими») по происхождению аргументами, используемыми в этой идеологии. Кроме того, такая критика лучше совпадает с желанием опереться на исторические традиции, в частности на идеи джадидов, которые до 1917 г. вовсе не имели ярко выраженного «узбекского» самосознания.

Предложение Ильхамова отказаться от стратегии «умолчания» и публично вернуться к «проблеме сартов» вовсе не означает, что узбекский исследователь ставит под сомнение целостность узбекской нации¹. Напротив, открытость любым сложным вопросам и более гибкий, интеллектуально изощренный способ их обсуждения позволяют, как считает автор, выйти из тупика прежних споров и конфронтации, которые мешают национальному единению и прогрессу.

В каком-то смысле можно сказать, что на примере работы А. Ильхамова мы видим, как постсоветский национализм мимикрирует, усваивает критику и модифицируется, пытаясь использовать разные теоретические модели и новые словари. По этому же пути вольно или невольно пошли и оппоненты А. Ильхамова. Отвергнув большинство его выводов и даже поставив под сомнение его компетенцию и право высказываться на тему этничности, критики, тем не менее, вынуждены были, пусть несколько риторически, обсуждать аргументы А. Ильхамова по поводу сартов, национального размежевания, политики большевиков и пр., т.е. все те вопросы, которые находятся в Узбекистане в сфере умолчания. Они даже были вынуждены отмежеваться от крайнего примордиализма, показав свое желание приспособливаться к современному языку науки и адаптировать последний к нуждам национально-государственной идеологии².

Такие наблюдения не являются чем-то неожиданным. Многие националисты, которые действительно создавали нации, были одержимы конструктивистским пафосом, даже если они осознавали себя и свою деятельность скорее в примордиалистских понятиях. Вот что пишет британский теоретик Э. Смит (противник конструктивистов): «Подобные перемены смысла и не-

¹ Именно так воспринял работу Ильхамова таджикский историк Р. Масов (см.: [Масов]).

² См., например: [Арифханова 2006].

последовательность можно встретить даже в трудах самих националистов. Действительно, некоторые из них до конца следовали принципам немецкого романтизма и стали настоящими органицистами, убежденными в цельности, древности и даже биологической природе наций. Другие были менее последовательными, полагая вслед за Мадзини, что, хотя география, история, этническое происхождение, язык и религия в наибольшей мере определяют характер и положение нации, политические действия и мобилизация населения все же необходимы для того, чтобы нация “пробудилась” и вернулась к исполнению своей священной миссии» [Смит 2004: 35].

Как пишут социологи Р. Брубейкер и Ф. Купер (сторонники конструктивизма), «мы продолжаем встречать неудобоваримую смесь конструктивистской терминологии и эссенциалистской аргументации. И это не вопрос интеллектуальной небрежности. Скорее это отражает двойственную ориентацию многих специалистов по идентичности как аналитиков и как протагонистов политики идентичности» [Брубейкер, Купер 2002: 72].

Те критики, которые видят в теории этноса главный элемент этнического национализма (особенно в советском обществе и постсоветских государствах), нередко противопоставляют последнему гражданский национализм. А. Ильхамов в «Археологии узбекской идентичности» утверждает, повторяя цитировавшегося выше О. Руа, будто существует неясность «в вопросе о природе формирующегося национального государства — должно ли оно оставаться этноцентристским, как было задумано в 1924 г., или его следует преобразовывать в то, что характеризуется понятием nation-state (государство-нация)» [Ильхамов 2002: 302]. Однако в данном случае научная методология в очередной раз явно подменяется политическими предпочтениями. Возможно, в какой-то исторический момент гражданский национализм предпочтительнее этнического, но это несколько не отменяет того факта, что «гражданская нация» и национально-гражданская идентичность являются, как «этнос» и любая этничность, конструктами, которые имеют собственную историю создания и манипулирования в корыстных целях. «Гражданская нация» — такое же «изобретенное» сообщество, в создании и оправдании которого используются эссенциалистские аргументы, т.е. отсылки к истории и культуре. Джалидский многоэтнический «Туркестан», будь он воплощен в реальность, мало чем отличался бы от советского Узбекистана с точки зрения противостояния «большинства» и «меньшинства» (о чем убедительно говорит пример Турции, которая создавалась именно как не-этническая нация).

Уже упомянутые Брубейкер и Купер, анализируя конструктивизм как способ аргументации, делают еще один, на первый взгляд парадоксальный, вывод о том, что «конструктивистская терминология стремится объективизировать “идентичность”, рассматривая ее как часть материальной реальности, хотя и изменяемой, которой “обладают” и которую “куют” и “конструируют»» [Брубейкер, Купер 2002: 104]. Сам по себе конструктивизм не только не отрицает, но даже чаще всего настаивает на том, что в результате усилий элиты или ученых нация (или «этнос») может стать реальностью. Но сконструированная нация обладает тем же свойством, которое есть у «этноса» в интерпретации примордиалистов: она начинает подчинять себе сознание и поведение человека. Не случайно многие сторонники теории этноса иногда используют конструктивистскую риторiku, утверждая, что если люди ведут себя, словно нация (или «этнос») существует, то большой разницы между конструктивистами и примордиалистами нет¹.

Пример дискуссии между Ильхамовым и его оппонентами показывает, таким образом, что в основе их расхождений лежат скорее разные интерпретации роли тех или иных исторических деятелей, оценки важности тех или иных эпох и событий, может быть, даже политические предпочтения, нежели собственно теоретические разногласия². Усвоение новых концептуальных схем, отсылки к более модным теоретикам или, напротив, упорная приверженность устаревшим кумирам и догмам — вся эта «игра» происходит в строго расчерченном политическими (иногда и личными) интересами пространстве, за рамки которого мало кто решается и может выйти. Тем не менее само по себе оживление дискуссии или попытка такого оживления, в том числе и по «проблеме сартов», — это симптом того, что среднеазиатская элита все дальше уходит от советских традиций и советского наследия, стремится заново осмыслить свою историю и культуру, учесть соотношение сил в мире и сформулировать собственное, самостоятельное видение своих целей.

¹ Этнограф С.С. Губаева, один из оппонентов Ильхамова, пишет: «Самоназвание “узбек” в настоящее время реально существует, и для современных носителей этого этнонима совершенно безразлично, когда, как и почему он появился в качестве именно их самоназвания. Для них это не имеет уже никакого значения. Они прожили с этим самоназванием (и самосознанием) почти 100 лет и чувствуют себя вполне комфортно, называя и осознавая себя “узбеками”, гордятся тем, что они “узбеки”. А значит, становление этноса состоялось» [Губаева 2004: 32; 2005].

² После критики в свой адрес за недостаточно последовательный конструктивизм А. Ильхамов делает шаг назад и уверяет, что он является сторонником «умеренного конструктивизма» и вовсе не собирается пунктуально соблюдать все положения той или иной методологии, предпочитая искать «баланс между верностью определенному методу, открытостью альтернативным теориям, чутьем в отборе фактологических данных» [Ильхамов 2005].

Библиография

- Абашин С.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.
- Алимова Д.А., Арифханова З.Х., Камолитдин Ш.С.* Каким не должен быть этнический атлас Узбекистана // *O'zbekiston Tarixi*. 2004. № 1. С. 72–85.
- Алимова Д.А., Арифханова З.Х., Аширов А.А., Назаров Р.Р.* Еще раз о проблемах этнологии в Узбекистане (в дополнение к дискуссии) // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 3. С. 107–126.
- Аман А.* Об этимологии, значениях и истории слова «сарт» <<http://www.ethnonet.ru/ru/print/pub/sarty.html>>.
- Арифханова З.Х.* Этническая история узбеков (о некоторых подходах к изучению) // *К новым стандартам в развитии общественных наук в Центральной Азии*. Алматы, 2006. С. 160–165.
- Аскарлов А.А.* Некоторые вопросы истории становления узбекской государственности // *Общественные науки в Узбекистане*. 1997. № 3–4. С. 65–76.
- Аскарлов А.* Этногенез и этническая история узбекского народа. Ташкент, 2007 (на узб. языке).
- Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.
- Губаева С.С.* К истории изучения этнического состава населения Ферганской долины // *Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты*. М., 2004. С. 6–37.
- Губаева С.С.* Этническая консолидация — процесс естественно-исторический // *Этнографическое обозрение*. 2005. № 1. С. 48–51.
- Джаббаров И.* Этнография узбекского народа. Ташкент, 1994 (на узб. языке).
- Джаббаров И.* Узбеки (Этнокультурные традиции, быт и образ жизни). Ташкент, 2007.
- Зарубин И.И.* Список народностей Туркестанского края. Л., 1925.
- Ильхамов А.* Археология узбекской идентичности // *Этнический атлас Узбекистана*. Ташкент, 2002. С. 268–302.
- Ильхамов А.* Национальное и этническое как конструкты и/или явления гражданского общества: ответ оппонентам // *Этнографическое обозрение*. 2005. № 1. С. 92–101.
- История народов Узбекистана. Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции*. Ташкент, 1947.
- Кармышева Б.Х.* Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Вып. 1. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период. Сталинабад, 1954.
- Кармышева Б.Х.* Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков // *Советская этнография*. 1960. № 1. С. 3–22.
- Койчиев А.* Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924–1927 гг.). Бишкек, 2001.
- Масов Р.* История топорного разделения. Душанбе, 1991.

- Масов Р.* Таджики: история с грифом «совершенно секретно». Душанбе, 1995.
- Масов Р.* Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2003.
- Масов Р.* Ответ на статью А. Аскарова «Арийская проблема: новые подходы и взгляды» <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1136562180>>.
- Мирбабаев А.* О термине «сарт» как о синониме этнонима «таджик» (К проблеме этнокультурных контактов иранских и тюркоязычных народов Центральной Азии) // Духовная культура таджиков в истории мировой цивилизации. Душанбе, 2002.
- Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.
- Файзиев Т.* К вопросу о вхождении узбеков-курама в узбекскую социалистическую нацию // Материалы межвузовской научной конференции по проблемам народонаселения Средней Азии. Ташкент, 1965.
- Шаниязов К.* Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964.
- Шаниязов К.* К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974.
- Шаниязов К.* Процессы формирования узбекского народа. Ташкент, 2001 (на узб. языке).
- Шозимов П.Д.* Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане. Душанбе, 2003.
- Шозимов П.* Переосмысление символического пространства узбекской идентичности // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 64–67.
- Allworth E.A.* The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present: A Cultural History. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1990.
- Bregel Yu.* Notes on the Study of Central Asia. Bloomington, 1996. (Papers on Inner Asia. № 28.)
- Edgar A.* Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet «Emancipation» of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective // Slavic Review. 2006. Vol. 65. № 2. P. 252–272.
- Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. N.Y., 2003.
- Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; L., 2005.
- Khalid A.* Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective // Slavic Review. 2006. Vol. 65. № 2. P. 231–251.
- Roy O.* The New Central Asia: The Creation of Nations. L., 2000.
- Smith G.* Post-colonialism and Borderland Identities // Nation-building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities / G. Smith, V. Law, A. Wilson, A. Bohr, E. Allworth (eds.). Cambridge, 1998. P. 1–20.